

УДК 93.351.741

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-92-102

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЧИНЫ В БОРЬБЕ СО ШПИОНАЖЕМ: НЕПРОЧИТАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Зверев В. О.*Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел России
имени И. Ф. Шилова**680000, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Воссоздание контрразведывательной истории общей полиции в контексте её привлечения к борьбе с германским и австрийским шпионажем в прифронтовых и тыловых городах Российской империи в годы Первой мировой войны.

Процедуры и методы. В центре поисково-исследовательского интереса оказались документальные ресурсы Государственного архива Российской Федерации (1 дело), Исторического архива Омской области (4 дела) и Российского военно-исторического архива (9 дел). Полицейские документы последнего из них (как исторические источники) уникальны и представляют особую научную ценность, т. как были собраны «по крупницам» в объёмном делопроизводстве контрразведывательных отделений военного времени и ранее не публиковались. Исследовательский инструментарий включил в себя такие научные методы, как: дескриптивный, проблемно-хронологический, анализ и синтез первоисточников, исторической реконструкции, логический.

Результаты. Восстановлена малоизвестная и малоэпизодная история участия на «незримом фронте» Первой мировой войны общей полиции. Большая часть её личного состава была представлена теми, кто беззаветно выполнял свой профессионально-служебный долг, но встречались недобросовестные чиновники, а порой и предатели. Акцент сделан на успешной практике сотрудничества полицейских с армейскими подразделениями контрразведки. Полиция решала разноплановые задачи в деле борьбы со шпионажем, в т. ч. используя приёмы оперативно-розыскной деятельности. В то же время сделан вывод о несостоятельности полицейского (контрразведывательного) контроля по выявлению политически нелояльных лиц, и главным образом, тех, кто не имел удостоверяющих личность документов или обладал поддельными документами в г. Риге и на о. Эзель как стратегически важных рубежах обороны в Лифляндии и Эстляндии.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье заложены теоретические основы для проведения фундаментальных исследований о межведомственной деятельности отечественных органов полиции и спецслужб во время Первой мировой войны как на региональном уровне, так и в масштабах российского государства.

Ключевые слова: германская разведка, контрразведка, общая полиция, шпионаж

POLICE OFFICERS IN THE FIGHT AGAINST ESPIONAGE: UNREAD PAGES OF HISTORY FIRST WORLD WAR

V. Zverev

*Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilova
Kazarmeniy per. 15, Omsk 680000, Russian Federation*

Abstract

Aim. Reconstruction of the counterintelligence history of the general police in the context of its fight against German and Austrian espionage in the front-line and rear cities of the Russian Empire during the First World War.

Methodology. The focus of research interest was the documentary materials of the Omsk Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation and the Russian Military Historical Archive. The documents of the last of them are unique and are of particular scientific interest, since they were collected “bit by bit” in the voluminous records management of wartime counterintelligence departments, and have not previously been published. Research tools are represented by such scientific methods as: descriptive, problem-chronological, analysis and synthesis of primary sources, historical reconstruction, logical.

Results. The author reconstructed the little-known and little-episode history of the participation of the general police on the “invisible front” of the First World War. Most of its personnel were represented by those who selflessly fulfilled their professional and official duty, but there were unscrupulous officials, and sometimes even traitors. The emphasis was placed on the successful practice of cooperation between police and army counterintelligence units. The police solved diverse problems in the fight against espionage, including using the techniques of operational investigative activities. At the same time, it was concluded that counterintelligence (police) control was ineffective in identifying politically disloyal persons, and mainly those who did not have identity documents or had false documents in the city of Riga and on the island of Ezel as strategically important defense lines in Livonia and Estland.

Research implications. This article lays the theoretical foundations for further fundamental research on the history of domestic internal affairs bodies and intelligence services during wars and armed conflicts with the participation of Russia.

Keywords: German intelligence, counterintelligence, general police, espionage

Введение

Вскоре после начала Первой мировой войны все законодательные и исполнительные институты власти Российской империи были переведены на особый режим функционирования – режим военного времени. Перестраивание на военный лад коснулось не только органов гражданского профиля и уж тем более военной контрразведки, жандармских управлений и охранных отделений, но также и подразделений общей (наружной) полиции, призванных в ближне- и среднесрочной перспективе оказывать необходимую помощь армии в ходе пред-

упреждения и профилактики немецкого и австрийского шпионажа.

В отечественной историографии заявленная научная проблема – полицейские чины¹ в борьбе со шпионажем в России (1914–1918 гг.) – так и не получила своего конкретного, обстоятельного и всестороннего раскрытия. В центре многолетнего внимания исследователей-специалистов, по-прежнему, находится военная контрразведка [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

¹ К полицейским чинам мы относим, прежде всего, руководителей городской и уездной полиции, а также основных исполнителей – приставов, надзирателей, городских, урядников и стражников.

А те редкие сведения о фактах вовлечённости полиции в розыск государственных преступников, которые и можно почерпнуть в т.ч. в опубликованных трудах автора данной статьи, освещаются, как правило, узко, однобоко и факультативно (например, когда речь идёт о неэффективной работе приставов и околоточных надзирателей по наблюдению за британскими подданными в г. Семипалатинске или о незаконных действиях полиции Великого княжества Финляндского по разглашению посредством местных газет информации о мерах по розыску шпионов и укрыванию лиц этой категории в г. Гельсингфорсе (1915 г.)).

Из сказанного может сложиться впечатление, что в Российской империи все полицейские чины или их немалая часть непрофессионально относились к выполнению своих прямых обязанностей по охране общественного порядка или же оказались легкомысленными, а возможно, и предателями на государственной службе. Для того, чтобы установить истину по этому вопросу или, как минимум, сложить объективное представление о реальном участии полицейских в ведомственных/межведомственных мероприятиях по обеспечению военной безопасности России и её действующей армии в годы войны, следует обобщить и проанализировать конкретные архивные материалы.

Но прежде обратимся к двум смысловым акцентам. Во-первых, имеющиеся в нашем распоряжении переписки разведывательных/контрразведывательных органов на театрах военных действий Первой мировой войны из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) ранее не становились предметом изучения в научной литературе, малоизвестны специалистам по истории отечественных органов внутренних дел и спецслужб, тем более широкой научной общественности. Подчеркнём, что материальные носители названного архивохранилища составили

источниковый базис проведённого исследования. Во-вторых, все документы, где иллюстрируется повседневная полицейская работа по линии контрразведки, являются единственными в своём роде и потому, что были обнаружены автором в «непрофильном архиве» – РГВИА. А в связи с тем, что абсолютное большинство единиц его хранения все-таки имеют военное содержание, то встретившиеся нам лишь дискретные упоминания о месте и роли полицмейстеров, приставов, околоточных надзирателей и других полицейских чинов в деле борьбы со шпионажем, возымели очевидный научный вес.

Общероссийская практика полицейской борьбы со шпионажем (на примере Варшавского и Степного генерал-губернаторств)

Обратимся к редким документальным сведениям, которые позволят хронологически последовательно, точно и достоверно реконструировать неоднозначную и фрагментарную историю занятости полицейских чинов на «невидимом фронте» противостояния спецслужб в годы Великой войны.

Начнем с того, что к первому десятиетию XX в. (предвоенный период) российская общая полиция, к примеру, в городах имела единообразное организационно-штатное построение. Главным полицейским начальником был либо обер-полицмейстер (в г. Варшаве), либо полицмейстеры (в г. Санкт-Петербурге и др.), либо градоначальник (в г. Москве). В их подчинении, в зависимости от статуса города и численности его населения, находилось то или иное число приставов (1, 2, 3-го разрядов), старших и младших помощников приставов (1, 2, 3-го разрядов), околоточных надзирателей (1, 2, 3-го разрядов) и городских (1, 2, 3-го разрядов)¹.

Именно такие силы в масштабах всей страны и, в первую очередь, в городах и

¹ Шукин А. Руководство для изучения полицейской службы. СПб., 1913. С. 123.

местностях прифронтового значения, привлекались к розыску лиц, подозревавшихся в шпионской, а позже и шпионско-диверсионной деятельности, а также профилактике и предупреждению этого военно-криминального явления. Уже 23 июля 1914 г. (здесь и далее летоисчисление ведётся по старому стилю) в своей телеграмме на имя обер-полицмейстера г. Варшавы министр внутренних дел Н. А. Маклаков потребовал: «Ввиду полученных сведений о шпионской деятельности справочных контор "Институт Шиммельфенга" и акционерного общества "Клячкин и К°", прошу, согласно ходатайству Главного Управления Генерального Штаба, немедленно закрыть все конторы и отделения этих обществ»¹.

Напомним, указанные сетевые организации занимались регулярным добытием околовоенных, т. е. не имевших прямого военного назначения, сведений стратегического характера о России (в частности, о Варшавском генерал-губернаторстве), их систематизацией и отправкой в Германию. Вероятно, не вникая в глубинные военно-политические смыслы, но действуя в точном соответствии с присягой, данной Царю и Отечеству, а также осознавая катастрофичность возможных для «Варшавского выступления»² последствий от скрытых угроз, варшавские приставы выполнили распоряжение вышестоящего начальства чётко и своевременно³.

Если эта и ей подобные задачи, принимая во внимание величину летального урона, который мог быть причинён обороноспособности российского государства на его западной оконечности, предполагали порой спешность и личное участие глав ведомств, а также безукориз-

ненную исполнительскую дисциплину на местах, то розыск иностранцев на удалённых от театров войны территориях проходил в штатном режиме. Так, вслед за письмом начальника контрразведывательного отделения (КРО) Иркутского военного округа ротмистра Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) Попова на имя начальника омского жандармского управления полковника ОКЖ Козлова от 9 апреля 1915 г. полицмейстер и все его подчинённые в Степном крае, в т. ч. и в г. Омске, были привлечены к организации поиска нескольких австрийских и германских подданных, «скрывшихся в Москве от неминуемого ареста и ссылки...»⁴. Спустя время от исполнителей был получен ответ: на обслуживаемых ими участках разыскиваемых лиц не обнаружено⁵.

Памятуя о том, что шпионов искали во всех местностях России, складывавшаяся практика межведомственного взаимодействия расширяла и перечень обязанностей полиции. Помимо запретительных мер к держателям голубей почтовой породы и нарушителям воздушного пространства России (воздушный шпионаж), регистрационных мероприятий в отношении иностранных подданных и наблюдения за ними, надзора за домами терпимости и др., знакомых ещё по довоенному времени омским полицейским, к их ежедневным задачам также добавилась поимка беглых австрийских и германских военнопленных и их этапирование в лагеря для военнопленных, высылка политически неблагонадёжных иностранцев на восток – в Тобольск, а также другие отдалённые города и населённые пункты.

И здесь важно отметить, что омская полиция накопила большой опыт работы по линии борьбы с лазутчиками ещё во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Судя по «Реестру секретных бумаг

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 217. Оп. 1. Д. 628. Л. 1, 2.

² Географическое расположение Варшавского генерал-губернаторства (Варшавского военного округа) было таковым, что оно «вклинивалось» в территории Германии и Австро-Венгрии, окружавших его с северной, западной и южной стороны.

³ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 628. Л. 6, 7.

⁴ Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 650. Л. 2, 3.

⁵ Там же. Л. 5, 6; Д. 443. Л. 5, 6.

пристава 3-й части г. Омска за 1904 год», приставы и околоточные надзиратели отработывали многочисленные циркуляры департамента полиции МВД России о розыске иностранных («желтолицых») поданных, устанавливали наблюдение за прибывавшими в г. Омск офицерами австрийской армий и т. д.¹ Отсюда следует, что омские полицейские к началу Первой мировой войны не только обеспечивали поддержание общественного порядка и безопасности, но и имели общее представление о тактике розыска и типологии государственных преступников (в т. ч. нравах азиатов и европейцев), характере военного шпионажа. Допускаем, что в целях борьбы с этим явлением у околоточных надзирателей и городских имелся свой осведомительный аппарат – дворники, работники рюмочных, коробейники, нищие и пр.

Борьба полиции со шпионажем в Остзейском крае: состояние и проблемы

К октябрю 1915 г., когда наступление германских войск на Восточном фронте было остановлено и контур переднего края стабилизировался, потребовались неординарные усилия по выявлению хорошо замаскированных вражеских агентов, забрасываемых на русскую территорию. К участию в уже апробированных фильтрационных заслонах привлекались сотрудники подразделений общей полиции, хорошо знавшие коренное население оккупированных территорий и особенно в тех местностях, которые граничили с линией боевого соприкосновения. Для тщательной проверки беженцев только к участку 12-й армии по согласованию между её командующим и главами Лифляндской и Курляндской губерний в ноябре месяце были прикомандированы 18 урядников и 18 стражников². Их со-

вместные с контрразведчиками усилия по опознанию местных жителей, а также выявлению неизвестных лиц, которые под разными предложениями пытались проникнуть в расположение передовых русских частей и их тылы, вышли на более высокий качественный уровень. Однако было бы ошибкой недооценивать возможности германской разведки, агенты которой порой делали невозможное. В ноябре 1915 г. 2 немецких шпиона – крестьяне Ф. Я. и Ф. П. Пуцены – сумели преодолеть все искусственные преграды и провели разведку на станции Шлок (Рижско-Орловская железная дорога), где в конечном итоге и были задержаны³.

Среди многочисленных примеров будничного и доблестного служения сотрудников общей полиции (значительная их часть осталась за рамками данного исследования) нашлось место и предательству в её рядах. Как видно из письма помощнику главного начальника Двинского военного округа по гражданской части генерал-лейтенанту П. Г. Курлову от 23 июня 1915 г. из 6-й армии (отправители-подписанты: начальник штаба генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич и генерал-квартирмейстер генерал-майор Б. П. Баженов, а также заместитель начальника разведотдела-начальник КРО подполковник М. М. Фёдоров), в отношении полицейского пристава г. Пернова Лифляндской губернии Р. Гана были собраны агентурные сведения, изобличающие его причастность к преступлениям. «Тесные связи с баронами и евреями, игнорирование самых элементарных требований полицейской службы и широкое содействие совершающимся беззакониям..., а также укрывание виновных при расследовании дел»⁴ стали веским основанием для увольнения Р. Гана с занимаемой должности.

¹ Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1143. Л. 4-8, 11, 13, 16-20, 25-30, 38.

² Российский государственный военно-историче-

ский архив (далее – РГВИА). Ф. 2031. Оп. 4. Д. 582. Л. 272.

³ Там же. Д. 862. Л. 86.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 383.

Названный пристав подозревался не только в совершении уголовно наказуемого деяния. Его проступок можно охарактеризовать как особо тяжкий моральный и духовно-нравственный грех (измена Родине) в контексте бескомпромиссного вооружённого противостояния, а если ещё точнее – профессиональное предательство. Кстати, именно данная разновидность персонифицированного грехопадения является редким эпизодом тыловой жизни в ходе Первой мировой войны, в то время как массовым феноменом, пронизывающим всю историю этого военного конфликта, была служебная безответственность и халатность. Причём в тяжелейших условиях отступления русской армии (Горлицкий прорыв, «Польский мешок», Виленская операция и потеря Литвы), а позже и кровопролитных позиционных боёв эти понятия, на наш взгляд, являясь одним из проявлений предательства, зачастую имели обезличенный, собирательный и иррациональный характер, а также латентную форму реализации.

Все эти смыслы читаются в докладе на имя генерала для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта генерал-майора Н. С. Батюшина от 16 января 1916 г. В нём говорится о том, что в прифронтовом районе с центром в г. Шлоке (30 км от г. Риги), о котором велась речь выше, практически отсутствует паспортный контроль за лицами туда приезжающими¹. Со слов подпоручика из контрразведки Пекка (на основе его данных был подготовлен сам доклад) среди молочных торговцев, булочников, окопных рабочих и др. на переднем рубеже русской обороны в Лифляндии – балтийское побережье – «безусловно находятся германские шпионы». Существующий полицейский контроль на железнодорожной станции г. Риги также «не достигает цели» – лица, не имеющие про-

пусков, остаются в купе вагонов, платя за это «мзду» кондукторам и проводникам².

Аналогичную проблему, в ходе архивно-поисковой деятельности, мы встретили в докладе чиновника для поручений М. Н. Тимонова (сотрудник контрразведывательного пункта ротмистра ОКЖ Г. К. Красильникова / г. Юрьев, Лифляндия). Подытоживая свою командировку на о. Эзель (1 марта 1916 г.) – естественный территориально-географический оборонительный рубеж перед входом в Рижский залив – он так сформулировал своё первое впечатление: «При выезде на материк и при въезде на остров полицейского контроля нет»³. В последующем установленный факт беспечности местного полицейского начальства во взаимосвязи с комплексом причин военно-оборонительного и внутривнутриполитического характера повлёк потерю Россией Моондзундского архипелага (о. Эзель, Моон и Даго). В ходе германской операции «Альбион» в сентябре 1917 г. русские вооружённые силы – корабли Балтийского флота и часть войск Северного фронта – потерпели поражение.

Наконец, ярким примером преступной безответственности на службе в прифронтовой Риге является деятельность её полицмейстера – полковника Феличкина. По данным агентуры КРО штаба Северного фронта от 19 ноября 1916 г., он запретил участникам собрания членов лифляндского общества взаимного кредита говорить по-латышски и закрыл латышский театр⁴. Эти необоснованные по своей сути распоряжения «произвели угнетающее впечатление не только на местных латышей, но и вызвали вообще недовольство полковником Феличкиным»⁵. Кроме того, на чердаке здания городского полицейского управления, со слов все той же агентуры контрразведки, «был найден

² Там же.

³ Там же. Д. 806. Л. 164.

⁴ Там же. Д. 300. Л. 66.

⁵ Там же.

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 361. Л. 118.

аппарат по изготовлению спирта для полицейских чинов...»¹.

В совокупности все названные факты способствовали ослаблению общепризнанной значимости и востребованности институтов местной гражданской власти и, в частности, полицейских органов, могли спровоцировать случаи массового неповиновения этнического населения стражам порядка в г. Риге, а также девальвацию в ней идеи верховенства российского закона и легитимности самодержавной власти. Кроме того, лишённые всякой правоохранительной или же военной логики полицмейстерские решения носили пусть и не умышленный, но явно выраженный вредительский, а, возможно, и враждебный характер. В ближайшем тылу формировалась благоприятная среда для зарождения изменническо-пораженческих настроений, появления паникёров и провокаторов, а также активизации вражеской агентуры и её пособников. Всё это повлекло снижение боеспособности и морально-политического духа фронтовых частей русской армии и стало одной из косвенных причин её поражения под г. Ригой в сентябре 1917 г.

И в то же время несправедливо было бы полагать, что многие полицейские руководители и их подчинённые недобросовестно выполняли свои должностные обязанности. С нашей точки зрения, профессиональное большинство всё же относилось к ним с усердием, в высшей степени честно и ответственно, чему есть ряд документальных свидетельств. Так, в начале февраля 1916 г. сотрудниками вышеупомянутой рижской полиции был задержан агент русской контрразведки Карл Буян и помещён в псковскую губернскую тюрьму. Вскоре арестант, как сообщник германской разведки, по решению заведующего военно-судной частью штаба главнокомандующего армиями Северного фронта был предан военному суду².

Сказанное позволяет предполагать, что контрразведка дозировано информировала общую полицию, ориентируя её личный состав на розыск и задержание конкретных преступников (в частности, двойного агента К. Буяна). Но были случаи и инициативного обнаружения потенциальных шпионов. Например, в начале июня 1916 г. полицейские г. Риги посетили одну из «подозрительных квартир». Во время производства в ней обыска хозяин оказал сопротивление и скрылся. Через некоторое время выяснилось, что беглец являлся нижним чином действующей армии Скребой Иосифом, который ранее «совершил побег из части и был в плену у неприятеля»³. Контрразведчики штаба 12-й армии немедленно доложили о данном обстоятельстве в центральный аппарат фронтовой контрразведки с просьбой оповестить армейские органы контрразведки о И. Скребе и задержать его⁴. Согласно другому историческому факту в августе 1916 г. околоточный надзиратель 11-го участка московской части г. Риги в ночное время выявил притон, где «услышал песни, крики и вообще шум пьяного разгула» с участием офицеров и женщин⁵. Вскоре по телефону связались с адъютантом коменданта города с тем, чтобы «выяснить фамилии офицеров, а девиц арестовать»⁶. В дальнейшем, как нам представляется, особый интерес военных властей мог быть проявлен к женщинам непристойного поведения, т. к., по данным контрразведки, именно эта категория в прошлом многократно становилась объектом вербовки в разведшколах при штабах наступающих германских и австрийских войск.

Думается, что именно благодаря активным мерам по задержанию уличных правонарушителей и уголовных преступников, а также резонансу от профилактических рейдов, в рижском обществе

³ Там же. Д. 862. Л. 111.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 897. Л. 286.

⁶ Там же.

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300. Л. 66.

² Там же. Д. 138. Л. 22.

были «...повсюду слышны лестные отзывы о полиции...»¹. Авторитет правоохранительной службы рос и укреплялся также благодаря тем полицейским, которые ещё в начале войны ушли на фронт, чтобы выполнить свой ратный долг. Именно так поступил вспомогательный агент «Мухин», как следует из сообщения заведующего розыскным пунктом в г. Ново-Николаевске (Томская губерния) ротмистра ОКЖ П. Богдановича². Свою лепту вносили и те сотрудники, которые стремились попасть на передовую борьбы со шпионажем, предлагая свои услуги в качестве агентов наружного наблюдения. Так, в конце 1916 г. ходатайствовал о прикомандировании к штабу Северного фронта «для несения обязанностей по розыску» полицейский надзиратель либавского сыскного отделения И. Я. Путнынь³. В начале же 1917 г. в филерский отряд КРО штаба Северного фронта трудоустроились старший городской ковенской городской полиции П. Ю. Бертлинг и В. В. Васин. При этом последний из них был принят по рекомендации департамента полиции МВД России, где служил раньше⁴.

Взаимодействие полиции с контрразведкой в г. Витебске

И завершая изложение истории органов общей (наружной) полиции в борьбе со шпионажем, рассмотрим редкий случай основательных совместных действий КРО штаба Двинского военного округа с чинами общей и жандармской полиции, военной комендатурой⁵. 15 февраля 1917 г. созданные контрольные группы-пункты из представителей этих ведомств, разделив на 10 условных частей г. Витебск, приступили к внезапной проверке находившихся на его улицах людей. Начальник КРО лично инструктировал кол-

лективную работу. Было опрошено около 3 600 человек, в т. ч. задержано 22 военнослужащих и более 50 гражданских лиц, не опознанных полицией либо без документов. У одного нижнего чина изъят «подложный документ» и 3 гражданских вызвали «весьма серьёзное подозрение в шпионстве и подделке документов». Последних четверых заключили под стражу для немедленного производства предварительного расследования.

Отметим, что это контрразведывательное мероприятие проходило в сложнейшей обстановке. Интенсивное революционизирование (разложение) армии, братание с немцами её окопных частей, падение их боеспособности, неповиновение воинскому начальству и неуважение к текущим законоположениям ставили вне закона действия полицейских и контрразведчиков, подвергая их жизни неминуемой опасности.

Заключение

Автор статьи, несмотря на свою многолетнюю профессиональную принадлежность к органам правопорядка Российской Федерации, попытался восстановить документальные события из контрразведывательной истории общей полиции, не затушёвывая их, беспристрастно. Такой подход позволил взглянуть более масштабно, глубоко и рельефно не только на эпизоды, достойные увековечивания, но и неприглядные страницы прошлого, а также прийти к некоторым умозаключениям.

Во-первых, с началом боевых действий на Восточном фронте Первой мировой войны на органы общей полиции воюющего российского государства был возложен небывалый груз ответственности за порученное дело и двойной объём работы (по общеуголовной и контрразведывательной линии). Полицейские чины не только профилактировали и предупреждали административные и уголовные правонарушения и преступления, а также военный шпионаж, как это было

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300. Л. 66.

² ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 61а. Л. 15.

³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300. Л. 76.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 743. Л. 161, 162.

в прежние времена, но и выявляли шпионов и предателей, а порой и задерживали их. Столь сложный комплекс решаемых задач, сопряжённых с риском для жизни и в сочетании с первоочередным родом деятельности (борьба с общеуголовной преступностью) был под силу лишь компетентным специалистам, патриотам своей Родины и профессии, государственным. К таковым мы относим всех рядовых полицейских – героев нашей статьи.

Во-вторых, оказывая систематическое, всестороннее, а порой и эффективное содействие контрразведке, полицейские чины были её «глазами и ушами» на улицах, в торговых рядах и питейных заведениях, на городских площадях и железнодорожных вокзалах, водных пристанях и т. д. Отлаженный столетиями механизм розыска государственных преступников (сектанты, бунтовщики, революционеры, иностранные кадровые разведчики, а в нашем случае, шпионы или предатели) лишал возможности тех из них, кто был выявлен оперативно-агентурным путём, избежать неминуемого возмездия.

В-третьих, г. Рига, её окрестности, а также о. Эзель, находившиеся в эпицентре не идентифицированных шпионских

угроз, оказались малозащищёнными. А предпринятые меры реагирования со стороны полиции были явно недостаточными, т. к. носили локальный, а нередко и случайный характер.

Полицейское начальство, проявляя преступную близорукость и бездеятельность, не смогло своевременно распознать реальную угрозу, главным образом со стороны германской разведки, а также заложить превентивные основания для организации строгого полицейского (контрразведывательного) режима. Причём такая его составляющая, как паспортный контроль, являвшаяся нормой правоохранительных будней, недооценивалась. А, допустим, идеи привлечения к борьбе со шпионажем патриотически настроенной части населения, о чём было написано немало статей в довоенных газетах и журналах (военная и гражданская публицистика), не рассматривались. Наконец, опубликованный европейский опыт противодействия германским лазутчикам, к примеру, французский (по итогам Франко-прусской войны 1870–1871 гг.), также не был учтён руководством рижской полиции.

Дата поступления в редакцию 24.07.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Егизаров А. Г. Организационно-правовые основы деятельности военной контрразведки Российской империи и её особенности на Кубани: 1914–1920 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 198 с.
2. Зданович А. А. Организационное строительство отечественной военной контрразведки: 1914–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 232 с.
3. Зданович А. А. «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 234–246.
4. Иванов В. А. Разведывательная работа германского Генштаба против армий Северного фронта и борьба со шпионажем в 1915–1917 годах (из документов Архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти) // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 292–311.
5. Канаев И. Н., Щербинин П. П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914–1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 207–212.
6. Кубасов А. Л. На перепутье: Российская военная контрразведка в Финляндии и на Севере России в 1917 – первой половине 1918 гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 4. С. 139–144.
7. Мелешин К. Ю. Филерская служба КРО штаба Петроградского военного округа на сломе эпох (1917–1918 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы конф. / отв. ред. А. В. Сушко. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 132–136.

8. Синиченко В. В. Перлюстрация в деятельности органов военной контрразведки Первой мировой войны // Гуманитарные чтения: сб. статей / отв. ред. М. В. Жерновой. М., 2020. С. 139–144.
9. Синиченко В. В., Токарева Г. С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 153–163.
10. Кирмель Н. С. Некоторые аспекты контрразведывательной работы спецслужб России на театре военных действий в годы Первой мировой войны / Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: мат-лы конф. / под ред. Е. В. Дроботушенко. М., 2015. С. 12–16.
11. Судариков А. М. Немецкий шпионаж на военных заводах Санкт-Петербурга – Петрограда накануне и в годы Первой мировой войны // Наука Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда и обеспечение безопасности страны: мат-лы конф. / под ред. В. Л. Михеева и др. СПб., 2022. С. 46–62.

REFERENCES

1. Egizarov A. G. *Organizacionno-pravovye osnovy dejatel'nosti voennoj kontrrazvedki Rossijskoj imperii i ee osobennosti na Kubani: 1914–1920 gg.: dis. ... kand. jurid. nauk* [Organizational and legal basis for the activities of military counterintelligence of the Russian Empire and its features in Kuban: 1914–1920. Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Krasnodar, 2010. 198 p.
2. Zdanovich A. A. *Organizacionnoe stroitel'stvo otechestvennoj voennoj kontrrazvedki: 1914–1920 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Organizational construction of domestic military counterintelligence: 1914–1920: Cand. Sci. thesis in History sciences]. Moscow, 2003. 232 p.
3. Zdanovich A. A. [“The Myasoedov Case.” A new stage of learning or running in circles]. In: *Novejshaja istorija Rossii* [Recent history of Russia], 2014, no. 3, pp. 234–246.
4. Ivanov V. A. [Intelligence work of the German General Staff against the armies of the Northern Front and the fight against espionage in 1915–1917 (from documents of the Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad region)]. In: *Novejshaja istorija Rossii* [Recent history of Russia], 2014, no. 3, pp. 292–311.
5. Kanaev I. N., Shcherbinin P. P. [Child spies and Russian counterintelligence during the First World War, 1914–1917]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian sciences], 2008, no. 8, pp. 207–212.
6. Kubasov A. L. [At the crossroads: Russian military counterintelligence in Finland and the North of Russia in 1917 – the first half of 1918]. In: *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University], 2009, no. 4, pp. 139–144.
7. Meleshin K. Yu. [Filing service of the KRO headquarters of the Petrograd Military District at the turn of the era (1917–1918)]. In: Sushko A. V., ed. *Dejatel'nost otechestvennyh specsluzhb v jepohu socialnyh kataklizmov* [Activities of domestic intelligence services in the era of social cataclysms]. Omsk, Izd-vo OmGTU Publ., 2017, pp. 132–136.
8. Sinichenko V. V. [Illustration in the activities of military counterintelligence agencies of the First World War]. In: Zhernovoi M. V., ed. *Gumanitarnye chtenija* [Humanitarian Readings]. Moscow, 2020, pp. 139–144.
9. Sinichenko V. V., Tokareva G. S. [The work of Russian law enforcement agencies to counter alleged sabotage on the Trans-Siberian Railway during the First World War]. In: *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies], 2020, vol. 16, no. 8, pp. 153–163.
10. Kirmel N. S. [Some aspects of the counterintelligence work of the Russian special services in the theater of military operations during the First World War] In: Drobotushenko E. V., ed. *Vtoraja mirovaja vojna: predystorija, sobytija, uroki* [World War II: background, events, lessons]. Moscow, 2015, pp. 12–16.
11. Sudarikov A. M. [German espionage in military factories of St. Petersburg – Petrograd on the eve and during the First World War] In: Mikheev V. L., et al., eds. *V sbornike: Nauka Sankt-Peterburga – Petrograda – Leningrada i obespechenie bezopasnosti strany* [Science of St. Petersburg – Petrograd – Leningrad and ensuring the security of the country]. St. Petersburg, 2022, pp. 46–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Олегович Зверев – доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел России имени И. Ф. Шиловой (по научной работе);

e-mail: zverevoma@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim O. Zverev – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Head of Research, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilova;

e-mail: zverevoma@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверев В. О. Полицейские чины в борьбе со шпионажем: непрочитанные страницы истории Первой мировой войны // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 92–102.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-92-102

FOR CITATION

Zverev V. O. Police officials in the fight against espionage: unread pages of the history of the First World War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 92–102.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-92-102